

КАРЛИС ОЗОЛС

МЕМЧАРЫ ПОСЛАННИКА

ЛАТЫШСКИЙ ДИПЛОМАТ, ПОСОЛ В ВАШИНГТОНЕ, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПОСЛАННИК И ПОЛНОМОЧНЫЙ МИНИСТР В МОСКВЕ
23 ИЮНЯ 1941 Г. ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПРИГОВОРЕН К СМЕРТНОЙ КАЗНИ

ВПЕРВЫЕ ИЗДАЕТСЯ В РОССИИ
ДОМЪ КНИГИ • ПАРИЖ

Карлис Озолс
Мемуары посланника

«Центрполиграф»

2015

УДК 327
ББК 66.4

Озолс К.

Мемуары посланника / К. Озолс — «Центрполиграф», 2015

Карлис Озолс – сын крестьянина, экстерном окончил реальное училище в Санкт-Петербурге и Рижский политехникум, став инженером-механиком. Одновременно с этим работал на заводах в России. В 1915 г. был командирован Главным артиллерийским управлением в США. После объявления независимости Латвии в 1920 г. стал представителем правительства Латвии в США. Тогда же назначен председателем реэвакуационной комиссии в Москве. В 1923–1929 гг. занимает должности посла, чрезвычайного посланника и полномочного министра Латвии в СССР, заключает договора о ненападении и торговле. В октябре 1934 г. попал в опалу и был уволен со службы в МИДе. После присоединения Латвии к СССР 25 августа 1940 г. арестован. 17 октября того же года переведен в тюрьму в Москве. 23 июня 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни. Книга К. Озолса впервые публикуется в России.

УДК 327

ББК 66.4

© Озолс К., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Начало войны 1915 года	8
Петроград и путиловский завод	8
Латыши и Россия	10
Комиссии в Америке	11
Прощание с родиной и Петроградом	12
По дороге в Америку	14
Финляндия	14
Швеция	15
Норвегия	16
Атлантический океан	18
Нью-Йорк	19
Отголоски революции в Америке	20
Русская миссия путей сообщения в Америке	20
Профессор Ломоносов	22
Борьба в Америке против большевиков и немцев	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Карлис Озол
Мемуары посланника
Во имя мира и международной справедливости

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'K. Ozols'. The signature is written in a cursive style and is underlined.

Мировая война окончилась сильнейшими протестами лучших людей против тайной дипломатии, в ней справедливо видят источник международных осложнений.

Прошло двадцать лет, и мы снова находимся в том же положении, что и перед войной, тайная дипломатия наших дней губит здоровое, открытое сотрудничество народов и государств.

Идея мира давно занимает человечество. С каждым днем я яснее вижу ее торжество. Это моя вера.

Руководимый побуждениями способствовать миру, я решил поделиться своими воспоминаниями и работой, проводимой в течение двадцати лет на международном поприще, сначала в качестве обыкновенного гражданина, потом чрезвычайного посланника и полномочного министра молодой Латвийской республики в СССР.

К опубликованию мемуаров меня толкнула сама Советская Россия, как это будет видно далее.

Надо не закрывать, а вскрывать, крепкими растворами вымывать международные язвы на здоровых народных организмах, и тогда они скорее зарубцуются. Также следует изыскивать более прочные основы сосуществования народов.

В этом смысл и цель данных мемуаров.

К. В. Озол

Начало войны 1915 года

Петроград и путиловский завод

В 1914 году Петербург был переименован в Петроград. Случаются знаменательные мелочи. Казалось бы, в чем смысл переименования города? Смена вывески на станции. Однако эта перемена в имени города Петра уже тогда ознаменовала передел истории. Россия расставалась со своим устойчивым прошлым, ступив на новый извилистый и шаткий путь. Настроение у всех становилось более мрачным, утрачивалась вера в победу. Низы ворчали, глядя исподлобья и косо, в самом воздухе витали недобрые, угнетающие предчувствия.

В эти годы я был представителем Министерства путей сообщения на Путиловском заводе и других заводах и фабриках Петрограда. Таким образом, для меня открылись многие возможности встречаться и знакомиться с обширными рабочими слоями, общественными кругами и их представителями. Помню, как проходили эти дни, их нельзя забыть.

Вот Путиловский завод. В большом зале накрыт обеденный стол, уставленный прекрасными кушаньями и напитками. Тут же закусочный стол *a la fourchette*. Даже в первоклассном петербургском ресторане не всегда был такой богатый обед. За стол садились представители министерств, артиллерийские генералы, приезжавшие с фронта военные специалисты, известные профессора. Известно, что за обедом, за стаканом вина, люди становятся доверчивее друг к другу, развязываются языки, к тому же здесь собрались «свои люди», и неудивительно, что велись совершенно откровенные разговоры. Они могли изумлять и пугать. Передавались страшные и грозные слухи о русской армии. Рассказывали удивительные вещи. Все в один голос твердили, что армия слаба в организационном отношении, при таком положении дел войну не выиграть, Россию ждут самые горькие военные неожиданности и она стоит перед катастрофой.

Помню, сколь удручающее впечатление произвел на меня один разговор, состоявшийся в сентябре 1915 года. Речь шла уже не только о проигрыше в войне, но и о приближающемся политическом сотрясении, назревающей революции. В беседе участвовал и весьма почтенный артиллерийский генерал Мясютин, который, между прочим, сказал: «Думается, и я свою жизнь закончу на телефонном столбе».

Как и многие другие в то время, он не ошибся, не обманули предчувствия. Впоследствии, уже латвийским посланником в Москве, я приехал в Петроград и был приглашен осмотреть Путиловский завод, перешедший, как и все другие предприятия, к советской власти. Случайно я встретился с рабочим, который помнил меня. Я осведомился о генерале Мясютине и узнал, что в разгар революции он был повешен рабочими завода.

Тяжкие предвидения волновали не одного Мясютина. В начале войны Российская империя, казалось, разваливалась. По существу, царило безвластие. Во всем чувствовался моральный упадок. Это понимали и ощущали высшие классы, интеллигенция, дворянство, чиновничество, это было ясно и широким народным массам, хотя между ними и верхами всегда лежала непроходимая пропасть. Господствующий класс, особенно аристократия и правящие круги, был совершенно чужд народу. Друг другу они не доверяли. Свобода, права человека, личное достоинство, уважение к личности – все это были пустые слова. Высшие классы испытывали к народу плохо скрытое презрение. До войны народ молчал, но то, что оставалось скрыто в годы мира, невольно и неизбежно раскрылось в дни войны. Кто идет умирать, кто становится на защиту Родины, тот без посторонних внушений начинает требовать уважения к себе, признания своих прав. Война уравнивает. Массы это поняли.

Их гнев и протесты, полускрытые и явные, должны были усилиться от сознания общей неразберихи и безнадежности. Одно дело защищать Отечество, землю отцов, и совсем другое – бессмысленно погибать, потому что ничего не сделано, не предусмотрено, кругом разруха, а наверху взяточничество.

Всех, сверху до самого низа, раздражало и приводило в бешенство одно только имя Распутина. С его именем и его кличкой неизменно и вполне справедливо связывалось представление о предательстве. Ходили легенды о его влиянии, власти. Эти легенды оказывались правдой. Еще вчера великая Россия обреченно шла к роковым событиям, тысячи рук толкали ее в бездну.

Латыши и Россия

Тревога охватила не только Петроград, но и всю остальную Россию. В таких обстоятельствах, когда туча нависла над Россией, латвийский народ, почти два миллиона, начал организовываться в национальные батальоны, взялся за меч, чтобы вести борьбу со своим вековым врагом, немцами, и попытаться спасти Россию в минуты ее развала. Из всех многочисленных народов и народностей, входивших в состав Российской империи, латыши в этом отношении оказались единственными, не считая Польши, формировавшей тогда свои легионы.

«Латыши спасали Россию». Сейчас это звучит как ирония, чего ради латышам было браться за это дело? Какая в этом логика? Больше двухсот лет, совместно с другими балтийскими народами, латыши страдали под властью русских царей, одобрявших действия балтийских баронов. Немецкий гнет латыши переносили с XIII столетия. Беспристрастному историку придется серьезно задуматься над этим вопросом и тщательно разобраться с этой с виду странной миссией, которую взял на себя латвийский народ. Вдруг стать на охрану и защиту своего угнетателя и проявить при этом самоотверженный героизм! Да, это чудо. Но тут-то и сказался, дал о себе знать здоровый народный дух.

Он чувствовался в маленькой Латвии повсюду, говорил с древних могил латышей. Объединение народа происходило незаметно, однако окрепло с самого начала мировой войны.

Исторически обостренный национальный инстинкт вел его в те дни по верному пути. Организаторы и руководители латвийских батальонов еще не понимали ясно, что, спасая Россию, закладывают фундамент нового прекрасного здания, которое 18 ноября 1918 года осветится и заблестит в качестве свободной, независимой Латвии. В разрухе войны, в общем начавшемся распаде империи, подорванности духа, угнетающей обстановке общей безнадежности латвийский сектор казался и был тогда чуть ли не единственным здоровым и крепким.

Комиссии в Америке

Война союзников с Германией началась с больших русских потерь. Было ясно, Россия не в состоянии снабжать свою армию, и ее действительно неисчерпаемый военный материал – только люди. Но пушки врага уничтожали и этот материал. Хотя и поздно, но союзники увидели недостаток снаряжения и предоставили России большие военные заказы и кредиты, распределив их по различным комиссиям и миссиям, в состав которых входили соответствующие специалисты, военные, гражданские инженеры. Сюда, однако, вошли и совершенно случайные люди, так называемые «военные удачники», счастливо избежавшие благодаря разным протекциям мобилизации и забронировавшиеся в разных организациях тыла.

Особенно заманчивой была командировка в Америку, поскольку командируемые члены комиссий получали большое жалованье и подъемные. Конечно, в валюте. Таких сумм вполне могло хватить не только на дорогу в Америку, но и для кругосветного путешествия. В качестве члена одной из комиссий в ноябре 1915 года отправился в Америку и я.

Прощание с родиной и Петроградом

Стояли жуткие октябрьские дни, когда я, приготавливаясь к отъезду, последний раз посетил Латвию, тогда еще входившую в состав России. Простился со своими престарелыми родителями и отправился в далекий путь. Жуть охватила меня, когда, возвращаясь в Петроград, я переехал границу тогдашней Лифляндской губернии.

Дело в том, что вся Лифляндия (часть теперешней Латвии) уже находилась в районе военных действий, и у власти в крае были, конечно, военные. Как всегда во время войны, приняв власть, военные, от высших чинов до низших, пренебрежительно и высокомерно относились к гражданской власти. Повсюду наблюдалась одна и та же картина. На улицах, в ресторанах, кафе – всюду сновали военные. В переполненных поездах между Ригой и Петроградом путешествовали преимущественно люди в погонах. В вагонах не хватало мест. Как служащий Министерства путей сообщения, я пользовался различными привилегиями, в том числе бесплатным проездом в любом поезде. Но купе во всех поездах были заняты, приходилось устраиваться в коридорах, но даже там пассажиров было до отказа. С большим трудом можно было добраться до уборной. Однажды ранним утром я пошел в уборную умыться и привести себя в порядок, и ко мне подошел молоденький офицер, требуя пропустить его вперед. Я отказался. Он, рассчитывая на свою физическую силу, толкнул меня, очевидно решив занять мое место. Это меня взорвало. Я бросил ему в лицо вопрос:

– Кто вы, офицер или хулиган?

Вместо ответа он попытался меня ударить и уже нацелил кулак мне в голову, но я удачно отпарировал удар левой рукой, в свою очередь ударив его по шее. Мой противник был маленького роста и сразу понял, что я сильнее. Пригрозил:

– Я буду стрелять! – и побежал в купе за револьвером.

Намерение это ему не пришлось, однако, привести в исполнение; коридор был переполнен, пока он добрался до своего купе, весь его пыл прошел. В вагоне наступила тишина. Я услышал чей-то самоуверенный голос:

– Я бы его в котлетку изрубил!

Это произнес другой офицер. Я промолчал. Потом ко мне вдруг подошел казачий полковник, старший офицер в вагоне, и объяснил, что обязан составить протокол о драке, произошедшей в полосе военных действий, что грозило большими неприятностями не только молодому офицеру, но в особенности мне. «Лучший выход, – предложил он, – обоюдное извинение». Когда выяснилось, что молодой офицер, столь грозно наступавший на меня, молодой курляндский барон, и по вагону разнеслось, что «немец» хотел побить «латыша», все симпатии оказались на моей стороне, даже тот самый офицер, который хотел изрубить меня в котлету, теперь ласковыми взглядами выражал мне свое сочувствие. Даже казачий полковник подошел ко мне на Николаевском вокзале Петрограда, прощаясь, сердечно пожал руку и шутливо сказал:

– А жаль, что вы более основательно не поколотили этого немецкого барончика.

Не только русская интеллигенция, но и все, кто отдавал себе отчет в происходящих событиях и настроениях России и ее народностей, неизменно клонили свои сердца к латышам. Как бы ни рассматривали и ни оценивали нас высшие власти, латыши у русских вызывали симпатию. Мне известно, что и в полках русской армии при ежегодной разверстке новобранцев по ротам старые фельдфебели, офицеры и ротные командиры всегда настойчиво требовали от полковых адъютантов, чтобы в их роты направляли больше латышей, как исключительно надежных солдат.

Вспоминаю школьные годы. Немцев и тогда не любили, нам, ученикам, постоянно говорили, что уже недалеко то время, когда приставка «фон» будет заменена словом «вон». Тогда я горячо желал, чтобы это пророчество сбылось как можно скорее.

Война была в полном разгаре. Немецкие подводные лодки проявляли чудеса. Неуловимые, они преследовали пароходы не только в Северном море, но и в Атлантическом океане. Никто не чувствовал себя в безопасности. Пароходы тонули, люди погибали тысячами. Поэтому членам нашей комиссии советовали ехать не через Атлантический океан, а через Сибирь и Тихий океан. Это было особенно важно для тех, кто ехал с семьями. Я был один и выбрал кратчайший путь через Атлантику.

Уладив дела, я немедленно выехал. До Финляндского вокзала меня проводили жена и дети. Что каждый из них думал, когда поезд отправлялся, не знаю. Вероятно, они, как и я, верили, что разлука будет непродолжительной. Я тешил себя надеждой, что к следующей весне буду дома, а если не удастся, семья придет ко мне. Я вспомнил отца, его благословение, это укрепило меня и слегка рассеяло тревоги и грусть расставания с близкими. Я не знал тогда, что события развернутся так быстро, не мог предполагать, что ровно через три года после отъезда Латвия будет объявлена независимой и я только через пять лет снова встречу с семьей. Воздадим хвалу Создателю за наше неведение! Люди были бы очень несчастны, если бы знали, что их ждет впереди. Интерес жизни, воля к ней, вся наша сила в том, что мы не знаем будущего, оно окутано туманом неизвестности. Если бы этого не было, многие не захотели бы жить.

По дороге в Америку

Финляндия

Наш поезд шел через Финляндию. Стояла зима. Вся Финляндия была покрыта снегом. Блестел солнечный спокойный день. Этот покой северной природы воспринимался нами особенно благодатно, так он не похож на Петроград. Там все тревожило, будоражило нервы, сама природа неистовствовала. Ветер свирепствовал как-то особенно, бешено крутился снег, что-то зловещее царило в воздухе. Мы могли доехать до северного Торнео, тогда конечного пункта. Мы объезжали Ботнический залив, восхищались прекрасным зимним солнцем. Мимо проносились маленькие чистые железнодорожные станции.

Тишина природы, солнце, снег, любезность финляндцев – все успокаивало и радовало. Мы, взрослые путешественники, невольно и незаметно превратились в беспечных детей: на всех остановках выбегали из вагона, швырялись мягким снегом, веселились, нервный Петроград был забыт. Кофе с прекрасными свежими сливками, дружелюбные улыбки финских девушек, душевный покой примиряли с жизнью, вчерашние тревоги отступали, в сердце просыпались самые искренние симпатии к финнам. Впрочем, русский народ, за самым редким исключением, людей так называемых «правых убеждений», никогда не был враждебно настроен по отношению к Финляндии. Прекрасно отдавая себе отчет в недостатках собственной жизни, критикуя изъяны политического строя, не закрывая глаза на собственную «обломовщину» и беспечность, русские справедливо признавали за финнами многие достоинства, ценили их трудолюбие, любовь к чистоте и порядку.

Точно так же русские относились и к латышам. Шовинизмом и предубежденностью русская интеллигенция, культурные люди, не страдала. Вспоминаю одну примечательную встречу. В качестве инженера я был командирован на Коломенский завод, принимать вагоны для строящегося в Самаре трамвая. Со мной находился помощник самарского городского головы. Узнав, что я латыш, он сразу проникся ко мне самой искренней симпатией и выказывал всяческие любезности. Себя называл националистом, постоянно читал мне что-то вроде лекции о том, что такое истинный национализм. Этот вопрос он ставил широко, осветил его верно и глубоко. Настоящий националист, по его мнению, тот, кто уважает чужую национальность так же, как свою, ибо нельзя считать свой народ единственно достойным членом общечеловеческой культурной семьи народов. Если и существует вражда между народами, это явление искусственное, и все, дорожащие счастьем людей, должны бороться с этим пагубным явлением. Никакой естественной вражды друг к другу в сердцах людей разных национальностей нет и быть не может. Вражду сеют. Она произрастает в ненормальных условиях жизни, эти условия, впрочем, всегда оказываются навязанными. Общее несчастье в том, что мы не умеем жить. Между здоровыми и сильными народами не может и не должно быть вражды. Эти отношения основаны на осознании взаимного долга. Конечно, так мог говорить только высококультурный человек. Среди русских это не редкость.

И теперь, любуясь доверчивыми улыбками финских девушек, я видел в них своего рода пророчество и символ возможных будущих взаимоотношений между народами. В эти предвечерние сумерки, глядя из окна вагона на пролетающие снежные поля, божественно уснувшую природу, я думал о том, что скоро война окончится, на смену зиме придет весна и мир проснется для новой счастливой жизни.

Швеция

Поздно вечером мы пересекли финляндскую границу и очутились в Гопаранде. Шведские таможенные власти нас слегка проэкзаменовали, задали знакомые шаблонные вопросы о том, куда направляемся, по каким делам, откуда. Многие из нас выслушивали эти вопросы, вроде недооценивая их смысл. Весело шутили: «Еду в Америку за богатой женой», «за миллионным наследством американского дядюшки». Шведы улыбались, довольные, у русских путешественников карманы набиты деньгами, а такие гости всегда желанны.

К началу войны Швеция заняла нейтральное положение. Не примкнула ни к той ни к другой воюющей стороне. Однако ее тайные симпатии были скорее на стороне немцев. Свое сырье, фабрикаты, продукты сельского хозяйства Швеция продавала по высоким ценам. Золото Германии и союзников переполняло шведские банки. Нейтралитет обогащал. К концу войны страна достигла завидного материального благополучия. На полях сражений гибли лучшие сыны России, союзников и Германии. Бедствия, горе, лишения и голод захватили весь Европейский континент в то время, пока шведские матери в довольстве спокойно воспитывали детей. Швеции можно было позавидовать, капризы истории и судьбы неисповедимы, и когда одним посылается трагедия, другим даруется благословенное счастье.

В Северной Швеции на другой стороне Ботнического залива стояла глубокая зима. Было воскресенье. В серых костюмах с белыми воротниками и шапками шведы, юноши и девушки, гостеприимно встречали и провожали наш поезд. На большой станции были накрыты столы с холодными и горячими блюдами, на каждом обозначена цена. Контролируйте сами себя, вы должны знать, что и на сколько вы съели, за вами никто со стороны не следит! На русских станциях такого не было. Данный распорядок казался идеальным, внушал нам, путешественникам, полное доверие, побуждая и к самим себе относиться до щепетильности строго. В этой атмосфере культурности и высокой морали люди невольно начинают подтягиваться, еще педантичнее сознавать свои обязанности и долг перед другими. Словом, все пассажиры чувствовали себя прекрасно, настроение было радостное и светлое.

Исключение составляли две хорошенькие француженки. В Гопаранде их подвергли слишком тщательному обыску, они чувствовали себя оскорбленными до глубины души и целый день не могли успокоиться. Но вот зашло солнце. Дневной свет померк. Замерцали таинственные сумерки, и за ужином в вагоне-ресторане наши красавицы развеселились в дружеской компании. Заискрилось шампанское в бокалах, раздались тосты за русских, французов и всех союзников.

Какие большие патриоты французы! Горячо и просто любят жизнь, глубоко и страстно любят свою родину!

Норвегия

В полночь мы приехали в Христианию (Осло). Я снял номер в гостинице и слегка удивился, что в первоклассном отеле подушки заменяли одеяло. От этой тяжести было жарко. Казалось странным, что столь здоровый спортивный народ, как норвежцы, могут кутаться в подушки. Когда-то давно, еще ребенком, я видел цыганский табор. Тогда еще цыгане кочевали по Латвии целыми толпами, и мне бросилось в глаза, как они клали своих детей под подушки, садились на них и оставляли снаружи только ребячьи головы.

В этот день у меня было достаточно времени, чтобы осмотреть город, понаблюдать жизнь, ознакомиться с достопримечательностями. Я бродил, вдыхал воздух города, страны, вспоминал литературу этого народа, старался перевоплотиться в среднего человека толпы, почувствовать себя норвежцем, и во мне все больше и больше созревало убеждение, что в душе всех малых народов живут самые светлые, миролюбивые устремления. Эти народы дали и продолжают давать человечеству высокие духовные ценности. Далекие от завоевательских мечтаний, эти народы не культивируют в своем сердце захватнические стремления, не ожесточаются, не отравляют свои души высокомерием и презрением внешней силы. Я уверен, в будущей семье народов их идеалы расцветут, как неувядаемые роскошные цветы мира.

От Христиании до Бергена восхитительный путь, чудесная железная дорога, вьющаяся по долинам и ущельям, вокруг горных вершин. Один за другим, вдруг окружая темнотой ночи, проносятся тоннели, дневной свет чередуется с тьмой каждые пять минут, такое впечатление, будто земля вращается вокруг своей оси скорее стократ. Скорость поезда, меняющиеся и улетающие картины природы, маленькие прелестные хижины в горах приносят путешественнику сладкое легкое забвение, невольно начинаешь себя чувствовать будто в сказочном краю.

Берген раскинулся на четырех горах, и вид на море с бесконечными фьордами – единственный на свете по своей чудесной красоте.

Путешествие было приятно. Мы могли быть спокойны, хотя совсем безмятежным этот покой назвать было нельзя. Бурная погода, а главное, слухи, что немецкие подводные лодки появились у норвежских берегов, взволновали даже нашего закаленного капитана. Но и эти известия не могли омрачить хорошего настроения наших путешественников. Один из участников нашей комиссии полушутя-полусерьезно принялся нас успокаивать:

– Тревожиться, собственно, нечего. Немецкие подводные лодки не станут нас преследовать, напротив, будут охранять. Немцы отлично знают, кого послали в Америку.

Метко сказано. Комиссия, отправлявшаяся к берегам Америки, не имела оснований гордиться своим составом, сюда вошли люди, едва ли как следует знакомые с делом.

Мы хотели продолжать путь по возможности скорее. Этому желанию суждено было осуществиться только вечером следующего дня. Пароход *Kristianiafjord* наконец послал прощальные сигналы и, провожаемый громадной толпой, оставил Берген. Вдруг, отдавшись на небольшое расстояние, остановился, потушил огни и до самой ночи оставался неподвижным. Только тогда в полной тьме медленно начали двигаться машины, и мы, никем не замеченные, поплыли к Северному морю. Капитан потом рассказал, что под утро у горизонта была замечена подводная лодка, преследовавшая пароход. Она догоняла нас, но, к счастью, не догнала. Капитан проявил находчивость, укрывшись между фьордами, таким образом обманув немецких агентов-шпионов. В нейтральной стране им было легко работать, международный шпионаж свил себе прочное безопасное гнездо в Скандинавии.

Оставляя Норвегию, я записал в моем дневнике: «Берген надоел. Буря на море прекратилась, но наш пароход *Khristianiafjord*, как преступник, прячется между фьордами, и никто не знает, когда выйдет в море. Тяжело душевное состояние, невольно напрашивается тревож-

ный вопрос: достигнем ли мы американских берегов? Посылаю последний привет с фьордов свободной Норвегии, вспоминаю Родину и дорогую семью».

Атлантический океан

Немецкое море осталось позади. Наш капитан впервые после Бергена лег спать. Держась северного направления, мы уже вышли из района возможного нападения немецких подводных лодок и теперь могли быть спокойны. К сожалению, ненадолго. Начались сильные ветры, наш пароход стало качать, пассажиров бросало из стороны в сторону, один за другим они стали исчезать в каютах.

Тогда мне подумалось, что все описанные прекрасные океанские путешествия просто плод фантазии. Тянутся бесконечные дни, кругом и вдали только небо, сливающееся с огромным океаном и превращающееся вместе с ним в одну беспредельную необъятную массу. В такие часы и минуты должна осенить, проясняя ум, великая всеозаряющая мысль, сколь же ничтожна человеческая жизнь в сравнении с неумолимой мощью и величием сил природы и законами, управляющими движением скрытых и явных мировых сил! Народные волнения, мировая война, человеческие распри и вражда – все кажется в такие минуты своего рода умопомрачением, восстанием безумцев против дивной гармонии мира, который стоял и будет стоять во веки веков.

Мыслители, философы, мудрецы достойны всякого поклонения и признания их заслуг, исследований и книг, созданных в тиши кабинетов, но величайшим источником мудрости навсегда останется лицезрение природы и мира, общение с их душой, их величием, таинственной и всемогущей жизнью.

Мы приближались к Ньюфаундленду. Буря стихла. Солнечные дни превратили наш пароход в растревоженный муравейник. У всех было одно желание: приятно провести вечер на пароходе. Мы устроили маскарад. У кого не было собственного костюма, могли его получить у администрации корабля, там их было много. Интересны были маскарадные костюмы у известного американского журналиста мистера Мейсона и его жены. Он представлял журнал Outlook. Необыкновенно высокого роста, облеченный в костюм Мефистофеля, извивающийся в причудливых изгибах американского танца, он казался настоящим дьяволом. Как быстро преображается человек! Я наблюдаю за этим маскарадом, за мистером Мейсоном и думаю о неизменных законах природы, приближающих нас к вечности.

Как длинно это девятидневное путешествие! Но и оно подходит к концу. Первый привет с земли нам несут морские птицы чайки. Вдали, между едва различимыми берегами, будто прямо из моря, поднимаются удивительные, потрясающие нью-йоркские небоскребы, как сказочный необъятный замок американских рыцарей стали и золота. Вот уже виден памятник Свободе, подарок Франции, через какой-нибудь час наш пароход в сопровождении гидропланов входит в нью-йоркские воды. Это было 5 декабря.

Да здравствуют Америка и янки, способнейшие и смелейшие потомки европейских народов!

Нью-Йорк

Как много значит обстановка! Даже пункт, с которого мы ведем наблюдения! Вот вы стоите на высокой горе, смотрите на раскинувшиеся кругом поля, долины, леса, луга, широкие просторы, перламутровый горизонт вдали, и мысль захватывается этой волшебной безмерностью. Совсем другие чувства наполняют нас у подножия горы.

Покинув корабль и отправившись гулять по Бродвею, я чувствовал необыкновенную осязаемую реальность американской жизни и начал понимать Америку.

Нью-Йорк был переполнен иностранцами. Здесь встречались друзья и враги, союзники и немцы, происходили столкновения, неожиданные инциденты, и все больше и больше росла вражда против немцев. Большими симпатиями пользовались русские.

Это тотчас отразилось на поведении и настроении некоторых моих коллег, они стали вести себя все более развязно. На другой же день после нашего приезда мы небольшой компанией сидели в одном из лучших нью-йоркских ресторанов. Подавал нам очень внимательный молодой лакей. Ужин кончился. Один из его участников обратился к лакею за справкой, где в Нью-Йорке можно весело провести предстоящую ночь? В России, в Петербурге, Москве, Киеве, везде, в любом ресторане опытный лакей предоставил бы вам самую точную информацию, указал адрес и даже сообщил все сведения по интересующему вопросу. Но нью-йоркский лакей обиделся и дал нечто вроде наставления. В Америке, дескать, следует прежде всего осматривать музеи, библиотеки, научные учреждения, а веселые места осмотреть потом, если это уж так необходимо. Говорил он мягко, без всякой неприязни и грубости. Вскоре выяснилось, что нас обслуживал студент университета, ярый патриот, чех. Мы должны были почувствовать, что моральный перевес и правда на его стороне. Должен заметить, наш столь жадный до увеселений коллега долго еще не мог забыть урока, полученного сразу же по прибытии в Америку.

Кто хочет серьезно и беспристрастно оценить дух Америки и американца, понять основы их благополучия, неизбежно придет к выводу, что здесь все регулирует строго и правильно организованная работа. Через нее и от нее приходят и радости жизни. Если верно то, что работа является первопричиной и источником счастья, кроме того, служит мерилom уважения к человеку, нигде больше, как в Америке, эти истины не предстают так наглядно в своем торжестве и бесспорности.

Наблюдая за работой американского госаппарата, я невольно сравнивал его с русским и заключил, что демократия с концентрированной сильной исполнительной властью несравненно лучше монархии. Слабость европейских демократий сейчас в том, что они децентрализованы, им трудно бороться с централизованными коммунистическими и супернациональными социалистическими силами. Этот вывод, возможно, нуждается в некоторых, вообще говоря, незначительных оговорках, однако смысл его остается неопровержимым. Во всяком случае, его никак не может поколебать нынешнее состояние Европы. Но все выводы в области политики не должны претендовать на вечную истинность. Осторожность политического мыслителя обязывает говорить не о безграничности, а сосредоточивать внимание на сегодняшнем дне.

Отголоски революции в Америке

Русская миссия путей сообщения в Америке

В напряженной работе потекли дни, дела, заботы, хлопоты. В 1916 году я служил в русской артиллерийской комиссии. Под моим наблюдением состояло много фабрик и заводов. Снаряды для России изготовлялись в Кливленде, Чикаго, Монреале, Детройте, Филадельфии и многих других городах. Разумеется, это была очень ответственная работа. Мне часто приходилось путешествовать по этим городам, следить за исполнительностью подчиненных, проверять работу русских инспекторов по приемке снарядов. Как всегда, это кипучее дело меня не только удовлетворяло, но и радовало. Везде работа шла с напряженной бодрой энергией. Неожиданно у меня вышел служебный конфликт с одним из членов артиллерийской комиссии.

Как часто люди смешивают стремление и порыв к более успешному труду с нарушением чисто внешней служебной дисциплины! Меня обвинили в нарушении этой дисциплины, состоявшем в том, что я имел смелость высказать свое мнение. Начальство пригрозило мне неприятными служебными последствиями. По существу, я ни в чем не был виноват. Но откровенность, хотя бы и очень полезная делу, не всегда приходится по вкусу начальству.

Об этом столкновении узнал начальник русской миссии путей сообщения в Америке граф Сергей Иванович Шуленбург. Под его начальством я работал в Петрограде. Артиллерийской комиссией он был недоволен. Без колебаний он предложил мне перейти к нему, стать членом его миссии. Сделать это было нетрудно. Шуленбург послал телеграмму министру путей сообщения Рухлову в Петроград, и через несколько дней было получено разрешение. Мне поручили общее наблюдение за выполнением заказа Министерства путей сообщения. Канадские заводы должны были сдать русскому правительству три тысячи железнодорожных вагонов. Изготавливали их в спешном порядке.

Теперь у меня, в силу обязанностей, появилась возможность часто бывать в Канаде, и я основательно познакомился с жизнью этой страны. Это были хорошие месяцы. В памяти незабвенными остались канадцы, инженеры, директора фабрик, члены парламента, с которыми приходилось встречаться. Восхищала их покорность, лояльность, искренность, горячее желание служить своему отечеству и королю, всеобъединяющий дух. Я очень любил бывать в Канаде, и не один я. Канада привлекала к себе эмигрантов из Европы. Возможно, главным притягательным мотивом были не материальные расчеты и перспективы, а любезность канадцев, их солидность, прочность дел и начинаний.

Я был очень занят, целиком уходя в работу, не оставалось времени даже для воспоминаний, я стал забывать Петроград. Так, без перебоев и остановок, изо дня в день шла наша деятельность, и, казалось, конечный успех обеспечен и ход работ должен пройти без остановок и перерыва. Так казалось. Но вдруг из России стали приходить весьма тревожные вести о политическом перевороте. От первого премьер-министра России, выдвинутого Февральской революцией, князя Львова была получена телеграмма с официальным сообщением о перевороте. После этого пришла вторая телеграмма от нового военного министра Гучкова. Он просил всех работающих в Америке на русскую армию оставаться на своих служебных местах.

Русские события взволновали всю Америку. Конечно, самое большое возбуждение царило в русских представительствах. До сих пор не могу забыть впечатления, которое произвел на меня в те дни мой коллега по службе семидесятилетний Максимилиан Несторович Гротен. Узнав о перевороте в России, он с неподдельной радостью стал обнимать и целовать своих сослуживцев, особенно гордился тем, что никто из крестьян не тронул его имение в Псковской губернии, где у него было образцовое хозяйство, и он им очень дорожил и радовался, что, судя

по письму, все прошло благополучно. Увы, радость была недолгой. Через две недели ему пришлось раскаяться и пожалеть о своем преждевременном восторге. Он получил второе письмо и, прочитав его, пришел в ужас.

– Негодяи, мерзавцы, – в негодовании восклицал он, – все, все разрушили, погибло все мое хозяйство!

Тут я вспомнил насмешливую и циничную русскую поговорку: «Век живи, век учись, все равно умрешь дураком». Как ни смешон был этот прекрасодушный старик, мне его было от души жаль. Сейчас я сердечно вспоминаю этого человека, его уже нет в живых.

Молодая Россия объявила всему миру, что свято выполнит свой долг перед союзниками и будет воевать с врагом до победного конца. Союзники поверили и предоставили ей новые кредиты, американский конгресс утвердил товарный заем в сто миллионов долларов, миссия путей сообщения и артиллерийская комиссия пополнились новыми лицами, прибывшими через Сибирь с новым послом Борисом Бахметьевым и главноуполномоченным Министерства путей сообщения профессором Юрием Владимировичем Ломоносовым.

Профессор Ломоносов

Новый посол Бахметьев должен был сменить прежнего посла, а профессор Ломоносов занял место Шуленбурга. Началась горячая работа. Ломоносов был интересен как психологический тип. Несомненно, способный человек, самоуверенный, с самомнением, широкий и легкомысленный. Любил и умел производить впечатление на других, особенно на тех, кто мало знал его и мало понимал в русских делах и России. Тут Ломоносов мог импонировать и казаться большим если не деятелем, то дельцом.

Он знал только русский язык и с иностранцами вел переговоры через переводчиков. Но и с этим недостатком он сумел так поставить себя, что вскоре о нем заговорила вся Америка. Ломоносов очень ценил рекламу и всячески старался очернить работу посла Бахметьева. Начались интриги. Ломоносов любил разъезжать по Америке, выступать на организованных им же русских митингах, где он в самой резкой форме беспощадно критиковал большевиков. Помню, как свою митинговую речь в Сент-Луисе 10 июня 1918 года он закончил потрясающими, негодующими, патетическими словами, вызвавшими общее единодушное одобрение: «Большевики вместо хлеба дадут камни, вместо мира принесут гражданскую войну. Долой большевиков!»

В тот же вечер в отеле «Статлер» он устроил роскошный ужин в честь сент-луисских фабрикантов. Стол был сервирован на 18 персон, за этот пир Ломоносов заплатил 340 долларов. Он вообще любил помпезность. На ужине присутствовал и только что приехавший из России первый министр путей сообщения кабинета Керенского А. Бубликов. Столь же дорогие ужины Ломоносов устраивал в Чикаго, Монреале и других городах. Деньги текли рекой без счета. Казенные суммы расходовались безотчетно, их тогда не жалели.

Прошло несколько месяцев. Постепенно американцы начали понимать, что события в России, в частности большевистский переворот, имеют гораздо более глубокий смысл, чем это истолковывали русское посольство и приехавшие из России министры Керенского Бубликов и Коновалов. В работе миссии путей сообщения все стало постепенно сокращаться и ликвидироваться. Конечно, Ломоносов не хотел, чтобы работы миссии прекратились совсем. Нужно было создать хотя бы видимость ее необходимости, и Ломоносов организовал научные группы для изучения разных промышленных отраслей в Америке.

Мне было поручено холодильное дело и рессорное производство. Работа интересная. Но тут опять вышел небольшой конфликт. Дело в том, что инспекцию трех тысяч вагонов поручили канадской компании, которая вдруг стала требовать совсем ей не полагающихся доплат в размере шести тысяч долларов. Обратились ко мне, я разъяснил, что данное требование неосновательно и канадской компании платить не надо. Ломоносов был противоположного мнения. Видимо, ему хотелось уплатить эту сумму, и мои разъяснения ему, естественно, не понравились. Произошел неприятный разговор. По своим привычкам, характеру и склонности все делать с маху, вообще нетерпимый к чужим мнениям, Ломоносов решил мне отомстить и через несколько дней отдал приказ: «Инженер К.В. Озолс откомандировывается в Россию».

Мы знали, что он не останавливается ни перед чем и готов переступить не только через отдельных лиц, их интересы, судьбу и права, но и через веления закона. Тем не менее такого странного и неожиданного приказа ни я, ни кто из моих сослуживцев предвидеть не мог. Ломоносову хотелось меня унижить, заставить меня принести ему извинения, но его надежды оказались напрасны. В ответ на его приказ я через секретариат послал ему следующее письмо:

«События, переживаемые Россией, потрясающи. Всеми ясно сознается, что свободная счастливая Россия, о которой так мечтали лучшие русские люди, погибает, а народ постепенно погружается в хаос, приготовленный его собственными и чужими руками. Но погибающим подают корабли, тонущие хватаются за соломинку, и долг каждого из нас бросить хотя бы эту соломинку, если мы не можем подать корабли.

Когда миссия существовала как орган Временного правительства, мы осознавали, что делаем работу нужную, первой важности. Однако несколько месяцев, как эта работа кончилась, начался период изучений, точнее, период некоторого безделья, когда часто делалось то, что совсем не нужно. Писались отчеты, иногда прерываемые неожиданными отчислениями, сдавались на хранение с полной уверенностью, что никто и никогда их не будет читать. Я, как и другие, понимал и чувствовал неловкость такого положения и все яснее и определеннее сознавал – так продолжаться не может. Я доказывал сослуживцам бесполезность нашей работы в том виде, как она ведется теперь, в Вашем присутствии говорил, что нужна определенная система и люди, проникнутые желанием вернуться в Россию для настоящих дел, а не только изучать и прочно устраиваться в Америке. Когда убедился, что мои доводы напрасны и вызывают лишь недовольство, я заявил о своем желании покинуть группу.

Во время последней беседы перед уходом со службы Вы сказали, что довольны моей работой. Сегодня случайно от служащих конторы я узнал, что отчисляюсь от миссии и лишаюсь, таким образом, возможности закончить отчет о рессорах, который, едва ли ошибусь, является пока единственным ценным, если не считать моего же отчета «О производстве винтовых стяжек», составленного на основании действительных заводских опытов и продолжительных наблюдений.

Подводя итог сказанному, не могу не чувствовать себя в глубокой степени оскорбленным. Вы поступили со мной не как начальник, радеющий за суть дела, не как джентльмен, каким должны были себя показать хотя бы потому, что живете в стране джентльменов, а как дореформенный царский чиновник.

Не хотелось бы говорить о моих заслугах как работника, но, покидая миссию при таких тяжелых обстоятельствах, я невольно вспоминаю слова фабриканта Mr. Ch. Ottis из Кливленда, которые он мне сказал на прощание: «Мистер Озол, нам было тяжело исполнять ваши требования, но вы были справедливы. Желаю вам счастья».

Эти слова для меня будут лучшим воспоминанием о работе в Америке.

Прочтя мое письмо, Ломоносов немедленно попросил меня к себе.

– Почему вы меня выругали? – спросил он.

Так у него всегда. Несдержанный, бросался вслепую, очертя голову, не считаясь ни с какими препятствиями, забывая меру и границу дозволенного. Правда, получив отпор, смирялся и притихал.

– Было бы неправильно, Юрий Владимирович, и даже нечестно с моей стороны уйти после столь долгой совместной работы с вами, не сказав правды.

Это подействовало. Мои слова произвели на него должное впечатление, он тут же высказал сожаление о произошедшем и просил взять письмо обратно, что я и сделал. Несколько дней спустя мы обедали вместе. Ломоносов был весьма не прочь выпить бутылку-другую вина и в такие минуты становился откровенным, а откровенность его была нескрываемо циничной. Философствуя за стаканом вина, он поведал мне мораль и мудрость своей жизни:

– Никогда не надо считаться с хорошим человеком. Считаться надо с негодяем, ибо хороший человек никогда вам не напортит.

Вести из России поступали все более грозные и безнадежные. Власть перешла к большевикам, и Ломоносов, верный своей морали, становился задумчивым и скрытным. 11 июня 1918 года он неожиданно вызвал меня к себе.

– Вы хотели меня видеть?

– Всегда рад вас видеть, собственно, дела к вам у меня никакого нет. Знаете, скоро мы опять начнем строить вагоны и паровозы. И вот тут вы очень и очень понадобится.

Поговорив еще немного на эту тему, мы расстались. Я ушел. Хорошо его зная и понимая новую политическую обстановку, я почувствовал, что беседовал уже не с главноуполномоченным, а с агентом большевиков, который пробует завербовать меня в их стан. Мои предполо-

жения оправдались раньше, чем я думал. В тот же вечер перед многолюдным собранием в 10 тысяч человек, проходившем в Madison Square Garden, Ломоносов выступил с широковещательной митинговой речью. Говорил о признании новой власти, ее заслугах, будущем, необходимости ее поддержать. Толпа всегда толпа. Встретили его и провожали громкими аплодисментами, но, надо сказать, столь же громкими криками: «Иуда, предатель!» Я вспоминаю об этом и передаю эти подробности о Ломоносове только потому, что всем известно, какую важную роль он играл в Советской России, стал в ней первым комиссаром путей сообщения.

Конечно, на железнодорожную миссию это выступление произвело самое тяжелое, удручающее впечатление. Члены миссии А. Липец, М. Гротен, М. Брониковский, Р. Балков, Е. Волькенау, Горбунов, В. Левин, я и другие постановили выразить решительный и энергичный протест, который и опубликовали в нью-йоркских газетах. Не остался равнодушен к этому выступлению и посол Бахметьев. Личность Ломоносова была установлена. На основании письма Бахметьева Государственный секретарь Лансинг сообщил всем учреждениям, что с этих пор Ломоносов больше не глава русской миссии путей сообщения в Америке. Его карьера и деятельность были кончены. На его место назначили инженера Альфонса Ильича Липеца, моего друга, руководителя профессорской кафедры паровозостроения в Америке.

План Ломоносова был неплох. В честолюбивых мечтах он видел себя советским послом в Вашингтоне или, по крайней мере, комиссаром путей сообщения в России. Ему важно было добиться признания большевиков со стороны Америки. Если это случится, все остальное пойдет как по маслу. Он мог надеяться на успех. Умелый и ловкий в личных делах, карьерист, Ломоносов успел установить связи с Троцким, когда тот находился в Америке. В то время это была надежная опора. Покидая Нью-Йорк, Троцкий сказал провожавшим его, что скоро он станет первым лицом в Советской России. Ломоносову оставалось ждать своего счастья. А пока у него немедленно отобрали все государственные деньги, за исключением 20 тысяч долларов. Эта сумма, сколько помню, осталась при нем, ее больше никто не видел. Ему пришлось покинуть и миссию путей сообщения, откуда его выселили при помощи полиции.

Борьба в Америке против большевиков и немцев

Для иностранцев Россия всегда была окутана туманом. За небольшим исключением, ее представляли неверно или смутно. Все было преувеличено и искажено. Меньше всего понимали крестьянство, его душу, положение, склонности и требования. Так же и русская революция предстала взору иностранцев в неверном освещении, породила разноречивые мнения, раскол особенно увеличился, когда власть захватили большевики. Скоро все стало ясно, положение России безнадежно.

Победа Ленина враждебно настроила американцев не только против большевиков, но также против всех сочувствующих им в Америке. Довольно значительная часть прессы с какой-то особенной энергией взялась за обработку латышей. Газеты выставляли их в очень неприглядном виде, как наемных убийц, сродни китайцам. Было много оснований полагать, что эти сообщения о латышах поступали от немецких агентов. Им было важно подготовить американское общественное мнение и в дальнейшем оправдать свои цели и стремления, они с полной ясностью раскрылись всего через год.

Германия готовила «поход на восток». Со своей точки зрения немцы рассуждали совершенно логично, чем больше на этом пути будет всякой грязи, тем больше у них прав стать расчистителями этого пути. Поскольку латыши – наемные убийцы и сторонники большевиков, мы, немцы, захватив Прибалтийский край, явимся защитниками культуры, усмирителями, подрывающими большевиков и их сторонников.

В этом смысле пропаганда была так сильна, что более малодушные латыши в Америке стали стыдиться своего же народа. Надо было что-то делать, любыми средствами немедленно взяться за борьбу с этой ложью. За мной были безукоризненно проведенные в работе годы в Америке, обширные знакомства, связи, все это само собой подталкивало к разрушению злой легенды и отпору сознательным и несознательным нападкам на латвийский народ.

Никогда не забуду одной беседы. Из России только что приехал доктор философии, еврей. Как-то при встрече я решил с ним посоветоваться. Он высказал замечательную мысль о роли латышей в большевизме:

«Несчастье латвийского народа в том, что он и негодяю служит за совесть, то есть вполне порядочно».

Нельзя было терять время. И я взялся за новую работу, борьбу за честь моего народа. С искренним подъемом, веря каждому моему слову, опираясь на опыт всей моей жизни, написал статью и послал ее в *New York Times*. Вот выдержки из этой статьи, появившейся 30 июня 1918 года.

«Давно уже Америка знает русского эмигранта, давно американцы слышали правду и неправду о России, как о стране несчастья, произвола и варварства. Но не так давно узнали они русского интеллигента, представителя старого и нового правительства, некоторых общественных деятелей и русских талантов-художников.

Мнение американцев значительно изменилось, и теперь уже с большим интересом Америка следит за борьбой, которая ведется во имя счастья русского народа, исход которой не может не отразиться на счастье всех народов, на истории всего мира.

Большевики говорят, что русская интеллигенция, русский социалист, в лучшем смысле этого слова, тот же буржуй и враг русского народа, крестьянина и не способен к созидательной работе, а вот они – друзья народа, и с ними весь русский народ, русский крестьянин. Во время постоянных путешествий по Америке меня десятки раз спрашивали, кто такой русский крестьянин, за кого он в этой борьбе, за большевиков, как утверждают последние, или же за идеи, положенные в основу правительства Керенского.

Разрешите же мне теперь, когда этот вопрос принял наиболее острую форму, чем когда-либо, сказать правду о русском, в частности о прибалтийском крестьянстве, истинным представителем которого я являюсь.

Прибалтийский крестьянин – символ горя – больше всех страдал от гнета самодержавного и немецких баронов. Тот, кого русский барин, купец и чиновник держали в кабале, над которым производил разные эксперименты социалист-большевик, сам вовремя удирая за границу и оставляя крестьянина на расправу царским жандармам.

Я родился в крестьянской семье, детство и юность провел в деревне, вставал с восходом солнца, с заходом ложился спать, проводя день на поле. До двадцати одного года я был простым рабочим, разделяя чисто крестьянские горе и радость. На заработанные таким образом деньги покупал книги и самоучкой сдавал экзамены, пока не поступил в институт.

Крестьяне были и остаются моими друзьями. До конца 1915 года, когда приехал в Америку, я каждое лето недели две – месяц проводил в деревне у крестьян. Каждое Рождество был желанным гостем и всегда состоял, и состою, членом их просветительских, земледельческих и общественных организаций. Меня знают широкие слои крестьянства, тесную связь с которыми, даже будучи в Америке, я поддерживал, пока немцы не забрали Прибалтийский край.

Я знаю прибалтийского крестьянина-латыша, мне дороги его идеалы, как и судьба всей России, верными подданными которой были латыши Прибалтийского края.

Теперь, когда большевики утверждают, что крестьянские массы с ними, и на основании этого часть десятитысячного собрания в Нью-Йорке требует признания их правительства, скажу в ответ им: это ложь и клевета. Эхо моего голоса раздастся по окровавленным долинам Прибалтийского края и доходит до каждой крестьянской хижины, почти двухмиллионного населения крестьян-латышей края, политическая зрелость и культура которых известна всей Европе. Их рот зажат немецким кулаком, и я слышу, как народ повторяет со мной: «Ложь, клевета, тысячу раз клевета!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.